

Святитель Афанасий Великий

Жизнь и наставления преподобной Синклитикии Александрийской, подвизавшейся в IV веке (воспроизводится в свободном переложении на русский язык)

© Московское Подворье Свято-Троицкой Сергиевой Лавры. 2000 .

СОДЕРЖАНИЕ

Часть первая
Часть вторая
Часть третья

Как великий Антоний явился основателем пустынной отшельнической жизни, так святая Синклитикия была начальницею пустынного общежития для дев и жен. [1]

Блаженная Синклитикия родилась в Александрии. Семейство, к которому она принадлежала, вело свой род из Македонии, было уважаемо и богато. Услышав об особом благочестии александрийцев, предки преподобной оставили Македонию и переехали в Александрию, где нашли искреннюю веру и истинную любовь к Богу.

В родительском доме святая получала все, что только может именоваться превосходным и полезным в мире сем. Но блаженная тяготилась этим, потому что сердце ее уже пламенело желанием к горнему и любовью к Богу. Удручало ее и сугубое попечение о теле, так принятое в богатых домах и презираемое ею. Самым опасным врагом она считала свое прекрасное молодое тело и всячески утесняла его, смиряя постом, трудами и бдением.

В семье, кроме Синклитикии, было еще два сына и дочь. Младший брат блаженной умер в детстве, сестра ее была слепа, а старший брат, отказавшись от женитьбы, ушел в пустыню, потому единственной надеждой родителей на сохранение рода было замужество Синклитикии. Прекрасная лицом и знатная, она рано увидела женихов, домогавшихся ее руки. Родители Синклитикии немало тому радовались и всячески приготавливали ее замужество. Но благоразумную и мужемудрую деву нисколько не убеждали слова родителей, напротив, когда она слышала о плотском супружестве, то всем естественным своим отвращалась от него, возносясь мысленно к Божественному браку. Она пренебрегала земными женихами и интересовалась только Небесным Женихом, Христом, Которого возлюбила всеми силами души, о Нем Одном помышляя день и ночь. Поэтому ничто мирское - ни вышитые золотом одеяния, ни драгоценные камни, ни преисполненная страстью музыка, ни пиры, ни какое другое светское удовольствие - не могли прельстить ее душу; а слезы родителей и уговоры родственников не могли нисколько ее поколебать. Напротив, ее произволение было твердо, как камень, и ум нисколько не колебался в стремлении ко Христу. Она закрыла свои телесные чувства для внешних впечатлений и беседовала со своим Божественным Женихом, произнося слова невесты из "Песни Песней": *Аз брату моему и брат мой мне* (Песн. 6: 2). Она затворяла свой слух от пустых разговоров, но если велись душеполезные беседы, она вся обращалась во внимание, чтобы уразуметь слышимое и принять то в свою душу.

Она настолько любила воздержание, что не считала никакую другую добродетель равной посту, который, как она полагала, является основой и хранителем всех добродетелей. Пищу она вкушала в строго установленное время и, если по какой-то причине приходилось отступать от правила, она томилась всею душой, бледнела и недомогаала, то есть чувствовала совершенно противоположное тому, что испытывают невоздержники. Поскольку ее душа не услаждалась безвременным приемом пищи - тело и не укреплялось, но худело. Ведь те, кто ест со страстью, имеют тучные и полные тела, а те, кто ест без аппетита, имеют тела исхудавшие и тощие. Верность этих слов подтверждают больные, которые, вкушая без аппетита, имеют тела истощенные и слабые. Блаженная Синклитикия с готовностью истощала свое тело, и ее душа была крепкой, по словам апостола: **если внешний наш человек и тлеет, то внутренний со дня на день обновляется** (2 Кор. 4: 16). Свое воздержание и труды блаженная сохраняла втайне. Смерть родителей освободила ее от всех земных обязательств, и преподобная, раздав свое имение нищим, вместе со слепой сестрой направилась в место, называемое Херо, недалеко от Александрии, и поселилась в гробнице одного из своих родственников. Душа ее искала полного отречения от мира, и, следуя за этим желанием, Синклитикия совершила то, что даже внешне отделило ее от прежней жизни. Женщины того времени считали волосы главным украшением и достоинством их пола, а пострижение волос было знаком позора и крайнего бесчестия. Зная это, преподобная призвала пресвитера, и он, по просьбе ее, остриг ей волосы. Сей постриг знаменовал полное освобождение души от мирского. В то время преподобная говорила: "Велико то звание, какого я удостоилась, и мне нечем воздать Тому, Кто призвал меня. Люди тратят все свои богатства, чтобы стяжать временную славу мира сего, и тем более должна я, сподобившаяся сей великой милости быть монахиней, отдать Владыке моему Христу принадлежащие мне богатства и мое тело. Но что говорю я, отдать Христу моему мои богатства и тело, когда все это от начала принадлежит Ему? Ведь **Господня земля, и исполнение ея**" (Пс. 23: 1). Утаив в этих смиренных словах свои благодеяния, святая стала жить в безмолвии. И раньше, живя в родительском доме, она подвизалась подвигом добрым, но, став монахиней, еще более усугубила свои труды. Это было привычно ее душе, которую, еще живя в миру, она уготовала в жертву, постигнув, что те, кто вступают в Божественное таинство монашеской жизни без предварительного опыта в подвижничестве и без размышления, нисколько не преуспевают и не достигают возжеленной цели, поскольку не знают, чего требует монашеская жизнь и в чем состоит ее цель. Подобно тому, как собирающиеся пуститься в плавание прежде заняты сбором всего необходимого в пути, преподобная подготовила себя подвижническими трудами и затем бесстрашно направила свой путь к небесным обителям. Заранее запасшись всем необходимым для строительства дома добродетели, она воздвигла прочное здание душевное. Видимые дома строятся из приготовленных заранее камней, извести, бревен и других материалов, душевный же дом строится из добродетелей. Преподобная не собирала вещественное, но, напротив, расточала его, раздавая свое имущество бедным, чем стяжала нестяжательность. Она расточила и страсти: гнев и памятозлобие, отбросила зависть и тщеславие и таким путем, по Евангельскому слову, воздвигла свой дом на камне. И потому этот дом ее стал непоколебимым. Но к чему многословие? Великим усердием и горячностью своей души блаженная Синклитикия в самом начале своей подвижнической жизни превзошла многих состарившихся в подвигах монахинь. Однако мы не можем рассказать о ее трудах и злостраданиях, поскольку она не позволяла кому-либо видеть их и не хотела иметь свидетелей и разгласителей своих подвигов. Она не столько заботилась о том, чтобы сотворить доброе дело, как о том, чтобы скрыть его от людей, и это не потому, что она презирала других, а потому, что благодать Божия подвигла ее не искать славы человеческой. Она всегда хранила в памяти слова Господа: **пусть левая рука твоя не знает, что делает правая** (Мф. 6: 3), и поэтому совершала все свои подвиги втайне. С ранней юности до зрелого возраста преподобная Синклитикия избегала бесед не только с

мужчинами, но и с женщинами, чтобы они не прославляли ее за чрезмерные подвиги и чтобы общение с сестрами и телесные нужды не помешали ей в доброделании и тишине. Таким образом она примечала бесовские приращения и не позволяла себе склоняться к телесным желаниям. Как садовник, что отрезает с дерева побеги, мешающие обильному плодоношению, так и преподобная отсекала от ума начатки страсти посредством поста и молитвы. И если какая-либо страсть укоренялась и возрастала, блаженная вырывала ее с корнем безжалостными к себе злостраданиями и трудами, усмиряющими тело, и мучила себя не только голодом, но и жаждой. Когда преподобная Синклитикия подвергалась какой-либо брани, то прежде всего в молитве призывала на помощь Христа Господа, не полагаясь только на свои подвиги в борьбе с зверообразным диаволом, и по ее молению Господь сразу же ниспосылал Свою помощь, и враг убежал. Но часто враг боролся с ней продолжительное время и Господь попускал ему это, чтобы возрос ее духовный опыт в добродетели. Держа в уме, что длительность брани подаст ей б^ольшие духовные дары, она еще мужественней сражалась с врагом. Преподобная не только изнуряла себя постом, но и не позволяла себе подумать о приятных кушаньях, питаясь хлебом из отрубей и часто вообще не употребляя воды, а спала она на земле. Итак, когда брань возрастала, она использовала эти орудия, облачалась в молитву, как в кольчугу, и, как в шлем, в веру, соединенную с надеждой и любовью. Она старалась сотворить и милостыню - молитвою и произволением. Когда же враг был побежден этими средствами и брань прекращалась, преподобная давала себе отдых от чрезмерных подвигов. Она так поступала, чтобы члены ее тела не ослабли окончательно, что было бы поражением. Ведь когда разбиты доспехи воина, как он может надеяться победить в сражении?! Итак, неразумно поступают те, кто необдуманно налагает на себя чрезмерный пост, и по мере того, как они чувствуют облегчение в брани, у них растет гордость. Блаженная Синклитикия так не поступала, ведь она делала все с рассуждением: она боролась с врагом молитвой и подвижничеством, а когда брань проходила, она вновь заботилась о своем теле. Так, захваченные жестокой бурей, моряки даже не думают о еде, но прилагают все свое умение, чтобы спастись от гибели; но когда шторм проходит, они отдыхают, заботясь и о своих телах. Но и тогда они не остаются совершенно беззаботными и не предаются лени и неге, а готовят снасти на случай следующего шторма. Ведь если и прошла буря, но море не убыло, и хоть волны улеглись, но ветер, поднимающий их, всегда дует. Подобное сему происходит в духовном мире: хотя злой дух похоти изгнан подвижником, но диавол, возбуждающий похотения, всегда рядом. Поэтому необходимо постоянно молиться, опасаясь изменчивости моря и лютости диавола. И преподобная, хорошо зная бури этой жизни и предвидя нападки духов злобы, с осторожностью правила судно своей души кормилом благочестия и привела его в целости в гавань спасения, держась веры в Бога, как самого надежного якоря. Жизнь преподобной поистине была апостольской, основанной на вере и нестяжательности и сияющей любовью и смирением. Она делом исполнила слова Псалмопевца, поправ аспида и василиска и всю силу вражью. И она несомненно услышала от Господа обещанное: ***Добре, рабе благий и верный, о мале был еси верен, над многими тя поставлю, вниди в радость Господа твоего*** (Мф. 25: 21). И хотя эти слова относятся к небесным благам, но они могут быть восприняты и в следующем смысле: "Поскольку ты, Синклитикия, явилась победительницей в этой вещественной брани с плотью и миром, ты победишь и в невидимой брани с бесами посредством Моей помощи и заступления, чтобы начала и силы тьмы узнали о величии твоей веры, поскольку, победив сопротивные силы демонов, ты приблизишься к благим Сидам Ангелов". Так жила святая в одиночестве, подвизаясь в добродетелях. Шло время, ее добродетели расцвели, и благоухание ее дивных подвигов достигло многих, ведь, согласно словам Господа, ***несть бо тайно, еже не явлено будет*** (Лк. 8: 17), поскольку Бог имеет обыкновение ведомыми Ему путями прославлять любящих Его ради исправления слышащих. Тогда, по вразумлению Божию, стали приходиться к Синклитикии монахини ради пользы душевной и, получая большую пользу, приходили все чаще. Однажды они спросили ее, как им получить спасение. Преподобная

тяжело вздохнула и, пролив много слез, хранила молчание. Но сестры принуждали ее рассказать о величии Божиим, будучи поражены и одной ее внешностью. Поскольку блаженную вынуждали сестры, то она сказала следующие слова из Писания: **не насильствуй нищяго, зане убог есть** (Притч. 22: 22). Но сестры просили еще усерднее, говоря ей: "Господь сказал: ... **т!уне прияте, т!уне дадите** (Мф. 10: 8). Не боишься ли ты быть осужденной с рабом, скрывшим талант?"

Преподобная ответила: "Почему вы, сестры, решили, что я, грешница, могу сделать или сказать что-либо достойное? Мы все имеем Господа нашим общим Учителем и все слушаем Священное Писание".

Сестры сказали: "Мы тоже знаем, что Господь - наш Учитель, и слушаем Писание, но ты своим бденным поучением в Писании усовершилась в добродетели. А нужно, чтобы сестры, преуспевшие в добре, советовали младшим, ведь и Господь наш заповедал это". Блаженная, чувствуя к ним сострадание и зная, что то, что она скажет, не введет ее в гордость, но поможет сестрам, начала говорить им следующее: "Дети мои, все мы знаем, как спастись, но по нашему нерадению теряем спасение, ведь мы прежде всего должны соблюдать заповеданное Господом: **возлюбиии Господа Бога твоего всею душою, и ближнего якоже себе** (ср.: Мф. 22: 37, 39). В этих двух заповедях содержится весь закон, и в них упокоевается полнота благодати. Несколько слов, но их сила велика и неизмерима, поскольку все душеполезные блага зиждутся на них. И в том же уверяет нас апостол Павел, когда говорит, что **любовь есть исполнение закона** (Рим. 13: 10). Поэтому какие бы премудрые слова ни говорили люди по благодати Духа Святого, все они начинаются любовью и кончаются ею. Но мне следует добавить и то, что проистекает из любви: то, чтобы каждый из нас стремился к большему". Сестры были удивлены этими словами и спросили, что они значат, на что святая ответила:

"Разве не знаете вы притчи о сеятеле, сказанной Господом, как одно семя принесло урожай в сто крат, другое в шестьдесят крат, иное в тридцать крат (ср.: Мф. 13: 3-9)? Сто крат - это наш монашеский чин, шестьдесят крат - это живущие в воздержании и не женатые, а тридцать крат - это женатые, но живущие в целомудрии. От тридцати хорошо подняться к шестидесяти и от шестидесяти к ста, поскольку полезно восходить от меньшего к большему. Но спускаться от большего к меньшему опасно, поскольку тот, кто однажды склонился к худшему, не остановится на малом, но ниспадет в бездну погибели. Так те, кто обещался сохранить девство, но слабы в намерении, говорят сами себе (или, точнее сказать, не сами, а вместе с диаволом): "Если мы женимся и будем жить целомудренно, то сподобимся того, чтобы быть причисленными к чину тридцати крат, ведь и Ветхий Завет не отвергает деторождения, но даже поощряет его". Те, кто так мыслит, должны знать, что это от диавола, поскольку нисходящие от высшего к низшему одержимы диаволом. Как воин, который оставляет свое место в первых рядах и переходит в последние, не прощается за это, но наказывается, так наказывается и тот, кто нисходит от высшего чина девственников к низшему. Поэтому нам надо от низшего восходить к высшему, о чем нас учит и апостол: **задняя забывая, в передняя простираться** (ср.: Флп. 3: 13). Потому мы, принадлежащие к чину сто крат, должны всегда помнить о нашем звании и стремиться к высшему, никогда не полагая пределов достижения, ведь Господь говорит: **когда исполните все повеленное вам, говорите: мы рабы ничего не стоящие, потому что сделали, что должны были сделать** (Лк. 17: 10). Итак, мы, избравшие девство, должны соблюдать особую бдительность. Вот женщины, живущие в миру, внешне стараются вести себя сдержанно, хотя вместе с предусмотрительностью в них есть и глупость, и невежество, из-за которых они блудодействуют мысленно всеми своими чувствами, подчас и не замечая этого: они и взирают бесчинно, и смеются неподобающим образом, и слушают скверные речи. Но мы, монашествующие, должны отвергнуть все неуместное даже в мыслях и преуспевать в добродетелях, и хранить свои глаза от лишних взглядов, ведь Священное Писание говорит: **очи твои право да зрят** (Притч. 4: 25). Мы должны удерживать язык от постыдных бесед, поскольку не подобает нашему языку,

песнопояющему и славословящему Бога, произносить бесстыдные слова. И нам нужно не только не говорить такого, но и не слушать других говорящих. Но невозможно исполнить это, если часто выходить из келлии, поскольку демоны и страсти входят в нас через чувства, даже если мы этого не хотим. И как возможно, чтобы дом с открытыми окнами и дверями не наполнился дымом, проникающим снаружи, и не загрязнился?! Поэтому необходимо, чтобы мы не ходили в города и на торжища. Ведь если мы считаем неприличным смотреть на обнаженные тела наших братьев и родителей, то насколько более вредно и неуместно для души видеть на улице и на торжищах нескромно одетых людей и слышать их бесстыдные и непристойные беседы. От видения и слышания таких вещей в нашу душу входят постыдные, сквернящие образы. Но даже и находясь в келлии, не должны мы быть беззаботными, но всегда бодрствовать, ведь Господь говорит: **бдите** (Мф. 24: 42), поскольку чем больше мы стремимся к трезвости и целомудрию, тем более скверные помыслы нас борют, ведь Екклесиаст говорит: **приложивый разум приложит болезнь*** (Еккл. 1: 18). Чем больше борец преуспевает в борьбе, тем сильнее подыскиваются противники. Подумайте, как далеки вы от настоящего целомудрия, и вы не будете нерадеть о брани с врагом. Ведь если вы и преодолели телесное блудодействие и не творите блуда телом, то сатана склоняет вас к тому, чтобы соблюсти посредством чувств. И если, затворившись в келлии и удалившись от слышания и видения неподобных вещей, вы победите тот блуд, какой совершается через услаждение чувств, то опять сатана будет склонять вас к блудодействию посредством воображения, возбуждая скверные образы и во время бодрствования, и во сне. А поэтому мы не должны принимать таких образов, ведь Екклесиаст пишет: **аще дух владеющего - то есть сатаны - взыдет на ты, места твоего не остави** (Еккл. 10: 4). Не принимайте этого диавольского действия, поскольку одно сочетание с такими фантазиями у девственников равносильно блудодействию у мирян, ведь **сильнии сильно истязани будут**, как говорит Писание (Прем. 6: 6). Поэтому брань, какую мы ведем с бесом блудодеяния, велика и страшна, ведь оно есть величайшее зло, какое использует враг для гибели души. Иов изобразил это таинственно, сказав о диаволе: **...крепость его на чреслах...** (Иов. 40: 11).

Многочисленными и разными способами диавол стремится вовлечь любящих Господа в блудодеяние. Часто лукавый обращает во зло даже сестринскую любовь во Христе: тех девственниц, которые отказались от замужества и от всякой мысли о мире, он борет и вводит в блуд под личиной сестринской любви к мужчинам. Подобно тому и монахов, избежавших всех бесстыдных и непотребных его сетей в явном искушении, он прельщает, обманом вводя в благочестивые беседы с женщинами, и в результате ввергает в блуд. Такова хитрость диавольская - облачаться в чужие одежды, использовать Божественные и духовные понятия и благочестивые предметы, чтобы через них сеять тайно свое семя. По наружности это семя выглядит как пшеничное зерно, но по сути - готовая ловушка. Я думаю, что как раз об этом Господь сказал: демоны **приходят к вам в овечьей одежде, а внутри суть волки хищные** (Мф. 7: 15).

Что же нам делать, чтобы избежать этих козней диавольских? Мы должны стать **мудры, как змии, и просты, как голуби** (Мф. 10: 16), то есть мы должны употребить благоразумие против тех ловушек, какие нам готовит диавол. Христос заповедал нам быть мудрыми, как змии, чтобы мы могли различить все козни диавольские. Простота голубя указывает на чистоту наших дел, поскольку каждое доброе дело отсечет зло и не смешается с ним. Но как избежать нам того, чего мы не знаем? Для этого нам надо быть предельно внимательными ко злу вражескому и охранять себя от его лукавых козней, ведь апостол Петр говорит: **диавол ходит, как рыкающий лев, ища, кого поглотить** (1 Пет. 5: 8). Поэтому необходимо нам бодрствовать и остерегаться на всякое время, ведь он наблюдает за нами и ведет с нами брань как через внешние вещи, так, в большей степени, внутренними мыслями, и приходит к нам невидимо как ночью, так и днем. Что же нам необходимо в этой брани? Очевидно, нам нужны настоящий подвиг и чистая молитва. Эти два средства являются общими и всеохватывающими лекарствами, которые мы должны

использовать против каждой пагубной мысли. Но нам нужно употреблять и другие, особые приемы в плотской брани. Так, когда какой-нибудь бесстыдный помысл приходит, мы должны противопоставить ему другой, сильный до жестокости, и когда враг рисует в нашем воображении прекрасное лицо, мы должны побороть его определенным образом: мы должны мысленно выдавить глаза у этого лица, содрать кожу со щек и отрезать губы, тогда лицо станет голым черепом, отвратительным и страшным. Рассмотрим то, что в нас вызывало ранее похоть, таким образом, и мы сможем сохраниться от злостного вражия хохота, уяснив, что мы питали похоть не к чему иному, как к смрадному месиву крови и мокроты. Подобными мыслями мы должны изгнать из нашего ума постыдный образ греха. Более того, мы должны представить тело того, кем прельстились, полностью, вообразить его исполненным гнили и зловония, короче, мы должны увидеть его трупом, и так мы изгоним из наших сердец страстное чувство. Но самое могущественное оружие, какое мы можем применить в плотской брани, это утеснение желудка, поскольку, умертвив его, мы усмирим и те страсти, которые действуют под ним". Такими мудрыми и душеполезными советами наставляла блаженная Синклитикия сестер, и они обрадовались ее божественным и духовным словам. Затем одна из них спросила, является ли нестяжательность совершенным добром. Преподобная ответила:

"Это действительно добро для тех, кто крепок и мужествен, поскольку те, кто нестяжателен, страдают телесно, но восприимлют духовное утешение. Подобно тому, как новое прочное платье становится чистым и белым, если его бьют и колотят, так и мужественная душа более укрепляется и становится непоколебимой, когда она сокрушается произвольной нищетой. Но душа слабовольная и нестойкая становится еще слабее и нерешительнее, поскольку, когда ей случается претерпеть нищету, она приходит в худшее состояние от того "промывания", какое составляет нестяжательность; как и старое платье, которое, не вынося стирки, рвется на части. Отбеливатель и для крепкого, и для изношенного платья один и тот же, но конечный результат различен, поскольку крепкое очищается и обновляется, а изношенное рвется на части. Итак, можно сказать, что нестяжательность - это драгоценное сокровище для мужественной души, поскольку она становится уздечкой, сдерживающей грехи. Но тот, кто хочет воспользоваться ею, должен прежде испытать себя в пощении, долулежании [3] и других телесных злостраданиях. А затем только пусть приступит к нестяжательности. Тот, кто не делает этого, но сразу раздаст свои деньги, не испытав себя прежде, как правило, потом раскаивается в том, что раздал деньги, ведь деньги - это основа легкой жизни. А потому прежде отрекись от сластолюбия, и приятных блюд, и от всех других утешений телесных и через это ты сможешь легко преодолеть алчность и жадность. Связь между ними такая же, как между орудиями труда и ремеслом, ведь, не имея орудий, невозможно ремесленничать; так и отказавшись от первого, легко пренебречь вторым. Потому Господь в разговоре с богатым юношей не тотчас предложил ему отвергнуться от денег, но прежде спросил, исполнил ли тот заповеди Ветхого Завета, подобно тому, как учитель спрашивает ученика, выучил ли он начатки чтения и письма, знает ли он, как читать по слогам, и знаком ли он с произношением слов и имен, и затем только велит ему читать совершенно. Когда же богатый юноша сказал, что он исполнил заповеди закона, Господь сказал: **пойди, продай имение твое и раздай нищим... и приходи и следуй за Мною** (Мф. 19: 21). Мне кажется, что если бы юноша сказал, что он не исполнил того, о чем спросил Христос, то Господь и не предложил бы ему нестяжательности. Ведь как может сходу хорошо читать тот, кто не знает, как произносить слоги?! Поэтому нестяжательность хороша для тех, кто уже подвизался в перенесении трудностей и стяжал привычку и навык к добру, поскольку они отреклись от излишних вещей и возложили все упование на Бога, поя слова псалма: **наши очи на Тя уповают, и Ты даеши пищу во благовремении** (ср.: Пс. 144: 15). Те, кто нестяжателен, получают большую пользу и от следующего: поскольку их ум не привязан к земным вещам, они заняты только небесным и, заботясь об этом, они явно исполняют слово Давида: **скотен бых у Тебе, и аз выну с Тобою** (Пс. 72: 22-23). И как домашние

животные полностью довольствуются подаваемой им пищей и не ищут другой, так и нестяжатели работают только ради хлеба насущного и пренебрегают деньгами как ненужными. Нестяжатели твердо уповают на слова Господни не заботиться о завтрашнем дне, как птицы небесные, что *ни сеют, ни жнут, ни собирают в житницы; и Отец Небесный питает их* (Мф. 6: 26). Они верят этим словам, ведь их сказал Сам Господь, и смело произносят: *веровах, темже возглаголах...* (Пс. 115: 1). Дьявол побеждается нестяжателями быстрее, поскольку он не может столь сильно вредить им. Большинство искушений и бедствий, случающихся с людьми, происходит с ними от недостатка и поиска материального. Но какое бедствие может случиться с тем, у кого ничего нет? Никакого, конечно. Что может сделать враг? Спалить их поля? У них нет ни одного. Уничтожить их скот? Повредить другие их вещи? Но они все это оставили. Поэтому нестяжательность является великим препятствием для дьявола и драгоценным сокровищем для души. И как нестяжательность есть великая и удивительная добродетель, так, наоборот, сребролюбие есть великое зло и грех и корень всех зол, как говорит апостол Павел (см.: 1 Тим. 6: 10). Ведь сребролюбие рождает клятвопреступление, воровство, хищение, скупость, зависть, убийство, братоненавидение, войны, идолопоклонство и все, отсюда вытекающее: лицемерие, лень и осмеяние. Корыстолюбивые не только наказываются Богом, но и губят сами себя, поскольку их желание денег неутолимо и их беспокойства и хлопоты бесконечны. Их болезнь неизлечима: неимущий хочет малого, но, получив это малое, он хочет большего и, имея сто монет, хочет тысячи; стяжав тысячу, он хочет бесчисленное множество, так что сребролюбцы, не находя конца своим стремлениям, мучаются невозможностью получить столько, сколько они хотят, и всегда плачут о своей кажущейся нищете. Сребролюбию же всегда пособствует зависть, которая уничтожает первым того, кто ее имеет. Нам, монашествующим, принесло бы большую пользу, если бы мы, желая обрести драгоценную жемчужину - Царство Небесное, - переносили бы такие же невыносимые труды, как те, кто ищет мирских богатств: они терпят кораблекрушения, сталкиваются с пиратами, встречаются с разбойниками на суше, переносят бури и ураганы. И когда они что-нибудь приобретут, то называют себя бедными, чтобы другие им не завидовали. Но мы, монашествующие, не претерпеваем ни одной из этих опасностей ради стяжания истины и небесных сокровищ. И когда мы приобретем какую-нибудь незначительную добродетель, то тотчас возвеличиваем себя и рисуемся перед людьми добродетельными.

Часто мы разглашаем славу не только о тех добродетелях, какие имеем, но и о тех, каких не стяжали, и тотчас враг крадет у нас и то малое, что мы имели. Мирские же корыстолюбцы, когда много получают, то желают еще большего, и ни во что вменяют то, что уже имеют, простирая свое стремление к еще не приобретенному и прилагая все усилия, чтобы никто не знал, сколько они уже имеют. Но мы, монашествующие, делаем все наоборот: мы не владем ничем хорошим, но ленимся приобретать что-либо, и бедны в добродетели, хотя и говорим, что богаты. Поэтому хорошо бы было преуспевающему в добродетели не позволять кому-нибудь узнать об этом, иначе он понесет большой ущерб, поскольку и то, что он думает, что имеет, отнимется у него (см.: Мф. 13: 12). Итак, мы, насколько это возможно, должны скрывать свои добродетели. Те, кто хочет показать другим свои добродетели, пусть показывают свои недостатки и страсти, ведь если они прячут недостатки, чтобы не быть осмеянными, тем паче должны они прятать добродетели. Но те, кто истинно добродетелен, делают все наоборот: они выставляют перед людьми и свои малейшие недостатки вместе с теми проступками, каких они и не совершали, чтобы избежать славы людской, и одновременно с этим они скрывают, как только могут, свои добродетели. Ведь подобно тому, как найденное сокровище крадется и теряется, так исчезает добродетель, когда она становится известной другим. И как воск плавится от огня, так душа плавится от похвал и теряет свою крепость. И опять: как тепло умягчает воск, а холод делает его тверже, так похвалы расслабляют душу, а упреки и оскорбления укрепляют ее и подводят к большей добродетели. Господь говорит:

радуйтесь и веселитесь, когда будут поносить вас и гнать и всячески неправедно злословить за Меня (ср.: Мф. 5: 11-12), и Давид восклицает: **в скорби распространил мя еси** (Пс. 4: 1), и: **Ты веши поношение мое, и стыд мой, и срамоту мою** (Пс. 68: 20). И можно найти множество подобных высказываний в Священном Писании. Есть скорбь полезная и вредная. Полезная скорбь происходит от сожаления о собственных грехах и о неведении ближнего, от боязни потерять хорошее расположение, какое кто имеет, от томления при мысли о стяжании вожделенных добродетелей. Но есть и вредная скорбь, наветуемая сатаной, которая беспричинна и глупа и называется некоторыми унынием. Поэтому необходимо гнать прочь этого беса скорби молитвой и псалмопением. Мы, монашествующие, имея множество забот и скорбей, не должны думать, что живущие в миру не испытывают скорбей, ведь пророк Исаия говорит: **всякая глава в болезнь, и всякое сердце в печаль** (Ис. 1: 5). Этими словами Дух Святой указывает на монашескую и мирскую жизнь. Боль головы означает жизнь монашескую, ведь как голова является правящим членом человеческого тела, так и монашеский путь жизни выше мирского. И Писание говорит о боли, чтобы указать, что всякая добродетель приобретается через труд и понуждение себя. Печаль сердца обозначает беспокойную и скорбную жизнь мирян, поскольку злоба и огорчения сопутствуют их жизни: если они желают чужих богатств, то томятся, если они бедны, то мучаются, если богаты, то сходят с ума и не спят в заботе о своих стяжаниях. А потому не будем обманываться, думая, что миряне живут без забот и трудов, ведь по сравнению с нами, монашествующими, их труды куда больше. Особенно же женщины много страдают, рожая в болях и с опасностью для жизни, воспитывая детей со многими трудностями, переживая, когда дети болеют, и перенося другие прискорбности, не имеющие конца. И дети часто рождаются больными, или увечными, или злобными и много досаждают своим родителям. Итак, зная это, не будем поддаваться вражескому обману, думая, что замужние женщины живут легкой и беззаботной жизнью, ведь они или терпят родовые муки, или же, если они бесчадны, терпят поношение и презрение.

1. Жития святых подвижниц Восточной Церкви/ Преосв. Филарет (Гумилевский). СПб. 1885. С. 8.
2. Кто умножает познание, умножает скорбь.
3. Лежании на земле.

Я говорю вам про вражьи уловки, хотя то, что я говорю, следует знать только монашествующим. Как один сорт пищи не подходит для всех животных, так и эти слова не для всех полезны, по слову Господа: **не вливают вина молодого в мехи ветхие** (Мф. 9: 17). Одним образом следует говорить тем, кто достиг ведения Божественного, и иным образом - тем, кто подвизается стяжать добродетели, и по-другому - тем, кто в мире. И среди животных одни обитают в воздухе, другие - в воде, иные - на земле, так и люди - некоторые, подобно птицам, возводят очи к горнему, другие находятся в среднем чине, а наконец, есть и такие, кто погружен во грехи, как рыба в воду. Мы же, монашествующие, должны приобрести орлиные крылья, достичь высот, попереть льва и змия (см.: Пс. 90: 13) и возобладать над тем, кто некогда обладал нами. Мы достигнем этого, если вознесемся ко Христу Спасителю всем умом и помышлением. Но мы должны знать, что чем выше мы возносимся, тем сильнее враг пытается уловить нас в свои сети. И это не удивительно: если демоны воздвигают завистников, воров, убийц, таким образом завидуя людям даже из-за никчемных земных богатств, что удивляться, если завидуют они нам, хотящим стяжать сокровища небесные? А потому нам необходимо вооружиться со всей тщательностью против демонов.

Они нападают на нас как через внешние впечатления, так и через мысли. Даже корабли - иной тонет из-за волн, бушующих за бортом, а иной - из-за трещин, появляющихся внутри; так и мы грешим иногда внешним - поступками, а иногда внутренним - помыслами. Поэтому мы должны зорко следить за бранью бесовской, входящей извне, искоренять внутреннюю нечистоту помыслов и всегда быть внимательными, поскольку помыслы постоянно борют нас. Во время бури, когда моряки

зовут на помощь, они получают подмогу с других кораблей и спасаются; но они часто гибнут, даже когда море спокойно, из-за внутренних трещин, по беззаботности и невниманию не замеченных вовремя. По этой причине нам следует быть более внимательными к внутренним мыслям, поскольку враг, желая разрушить храмину души, или разрушает ее основание, или разбирает крышу и спускается вниз, или влезает через окна и связывает хозяина, а затем командует в доме. Основания душевной храмины - это добрые дела, крыша - это вера, а окна - это чувства. И нападками на все это враг ведет с нами брань. А потому тот, кто хочет спастись, должен быть многоочитым, как бы иметь множество глаз, ведь в сей временной жизни мы не можем оставаться беззаботными. И Писание говорит: *кто думает, что он стоит, берегись, чтобы не упасть* (1 Кор. 10: 12).

Мы плывем по изменчивому морю: море это - наша душевная жизнь, и в некоторых частях его скрываются подводные камни, в других - морские звери, а местами оно тихо и спокойно. Явно, что мы, монашествующие, плывем по тихим и спокойным местам в жизни сей, а миряне - по опасным. Мы плывем днем под светом мысленного Солнца Правды - Христа, а миряне - ночью, ведомые неведением. Но несмотря на все это, часто случается, что плывущие в темноте и по опасным местам бодрствуют и молят Бога спасти судно души; а мы, монашествующие, плывем в тишине и, тем не менее, тонем, по нашей нерадивости выпуская из рук кормило правды. Итак, тот, кто стоит, да бережется, чтобы не упасть; упавший занят только тем, чтобы подняться, а стоящий должен блюстись от падений, поскольку их очень много. Те, кто упал, хотя и лежат ничком, но не так сильно ушиблись. Но пусть тот, кто стоит, не осуждает упавшего, более того, пусть боится за себя, чтобы не упасть и не разбиться совершенно и не ниспасть в глубины пропасти, ведь тогда его голос поглотят глубины, и он не обретет помощи. Потому Давид говорит: *да не пожрет мене глубина, ниже сведет о мне ровенник уст своих* [1] (Пс. 68: 16). И тот, кто пал прежде, - не совершенно погиб; ты же заботься, чтобы не пасть в пропасть и не стать пищей зверей. Тот, кто пал, не запечатал дверей своего дома, то есть не внимал себе; ты же, стоящий, не дремли, но пой непрестанно слова псалма: *просвети очи мои, да не когда усну в смерть, да не когда речет враг мой: укрепился на него* (Пс. 12: 4-5). Всегда бодрствуй, ведь мысленный лев рычит рядом с тобой. Эти слова полезны тем, кто стоит, чтобы не превозносились. Ведь тот, кто пал, когда обратится и восплачет, спасется; но стоящий да внемлет себе тщательно, ведь у него двойной страх - чтобы он не вернулся к своим прежним страстям, предавшись малодушию во время брани вражеской, и чтобы он не прельстился и не впал в гордость от преуспеяния в добродетелях. Враг наш, диавол, или извне привлекает к себе, если видит человека ленивого и нерадивого, или, когда видит тщательного человека и преуспевающего в подвиге, входит в его душу гордостью и коварно и страстно совершенно ее губит.

Гордость - это его последнее оружие, и оно больше всякого другого зла; из-за гордости пал с небес диавол, и ею он силится низвергнуть тех, кто особо преуспевает в добродетели. Подобно тому, как опытные воины, использовав все свои стрелы, если видят, что враг все еще в силе, прибегают к самому мощному оружию - мечу, так и диавол, использовав все начальные средства, прибегает к последнему оружию - к гордости. Эти его начальные орудия и ловушки суть чревобесие, сладострастие, блуд, ведь эти страсти особенно часто возникают в молодости. За ними следуют сребролюбие, скупость и подобные им. Когда же душа победит эти страсти, возгосподствует над чревом и над всеми подчревными похотями, когда она пренебрежет деньгами, тогда завистник, лишившись всех других средств, тайно вложит в душу неподобную гордость, чтобы вознести ее над другими братьями.

Воистину тяжел и губелен этот яд гордости, который диавол дает испить душе, и многих добродетельных людей он отравил им и тотчас погубил. Он тайно влагает в душу ложные и смертоносные помыслы, и она воображает, что понимает то, чего не знают другие, что она превосходит их в посте и имеет больше добродетелей. Более того, сатана

вводит душу в забвение своих грехов и превозносит над другими братьями. Окрадывая ее от памятования своих ошибок, он не дает ей произнести смиренные слова Давида: **Тебе Единому согреших, помилуй мя** (ср.: Пс. 50: 6, 1), и через это исцелиться. Он также не дает ей сказать: **исповеся Тебе всем сердцем моим** (Пс. 9: 1); но сам диавол, некогда сказавший: **взыду выше облак, буду подобен Вышнему** (Ис. 14: 14), вызывает в гордом мысли о власти, об учительстве, о даре исцелений. И тот, кого прельщает этим сатана, гибнет, поскольку он получает почти неисцельную рану. А поэтому тот, у кого возникают такие гордостные помыслы, должен постоянно повторять божественные слова Давида: **аз есмь червь, а не человек** (Пс. 21: 7), и Авраама: **аз есмь земля и пепел** (Быт. 18: 27), и Исаии: **якоже порт нечистыя вся правда наша** (Ис. 64: 6).

Если гордостные помыслы борют монахиню, живущую в уединении, то ей следует пойти в общежительный монастырь и понуждать себя вкушать пищу даже дважды в день. Если над ней возобладала гордость оттого, что она усердно подвизалась, то необходимо, чтобы ее жестоко бранили монахини ее возраста за то, что она не сделала ничего хорошего. Ей нужно исполнять любое послушание и слушать жития великих подвижников. Более того, ее сверстницам надо на несколько дней увеличить свои подвижнические труды, чтобы гордячка, увидев их добродетели, смирилась, считая себя ниже их. Причина такой гордости состоит в непослушании, а потому эта болезнь может быть вылечена послушанием, ведь пророк Самуил говорит: **послушание паче жертвы благи** (1 Цар. 15: 22). А потому игуменья должна вовремя исторгнуть тщеславие из недугующей души.

Но если монахиня беспечна, небрежна и ленива, не преуспевающая в доброделании, то игуменья нужно хвалить ее. Если такая монахиня сделает какое-нибудь незначительное добро, игуменья надо восхищаться им и возвеличивать его, а ее большие ошибки называть малыми и незначительными. Диавол, желая все ниспровергнуть, пытается укрыть грехи добродетельных подвижниц, чтобы ввести их в гордость, а грехи новоначальных он выставляет напоказ, приводя их в отчаяние. И одной монахине он говорит, что ей нет прощения за ее блуд, другой - что ей не спастись из-за корыстолюбия, так что игуменья должна утешать тех, кого таким путем искушает сатана, и говорить им, что Раав была блудницей, но спаслась верой, Павел был гонителем, но стал сосудом избранным, Матфей был мытарем, а стал евангелистом, и разбойник воровал и убивал, но первым отверз врата райские, а потому и ты, сестра, помни о них и не отчаивайся в своем спасении. Те же души, которые побеждаются гордостью, нужно исправлять и лечить следующим образом: им нужно сказать прямо - что превозносишься, несчастная душа, тем, что не ешь мяса? - Другие и рыбы не видят. Что не пьешь вина? - Другие и масло не вкушают. Что ты гордишься тем, что постишься до вечера? - Другие по два и по три дня держат пост. Что ты высокоумствуешь о себе, что не моешься? - Многие и ради телесной немощи не моются. Но ты дивишься себе, что спишь на твердой кровати, покрытой власяницей? - Другие спят на голой земле; если же и ты спишь на земле, в этом нет ничего значительного, ведь некоторые подкладывают камни, чтобы не спать с улаждением, а есть и такие, кто подвешивает себя на веревке на всю ночь. Если же и ты делаешь все это и совершаешь величайшие подвиги, не высокоумствуй о себе, ведь демоны делали и делают и большее, чем ты: они вовсе не спят, не едят и никогда не пьют, не женятся и пребывают в пустынях. - Так что если ты и живешь в пещере, не думай, что делаешь нечто великое. Подобными мыслями можно исцелять противоположные страсти - отчаяние и гордость. Как огонь, если сильно дуть, развеивается и исчезает, и напротив, если вовсе не дуть, то гаснет, так и добродетель, если основывается на чрезмерном подвижничестве, то уничтожается гордостью, а если мы небрежем о ней, и нерадим о стяжании ее и содействии нам Духа Святого, то она тускнеет и исчезает. Острый и наточенный нож легко притупляется о камень, так и чрезмерное подвижничество быстро уничтожается гордостью. А потому человеку необходимо охранять свою душу со всех сторон, и когда она сжигается огнем гордости из-за чрезмерного подвижничества, он

должен ввести ее в тенистые места, то есть смирить пред благодатью Божией, а иной раз необходимо отсесть в душе лишнее, превосходящее установленные границы, чтобы укрепился корень и произросли плодоносные ветви. Тот же, кого борет отчаяние, должен нудить себя стремиться к горнему и уповать на неизреченную милость нашего человеколюбивого Бога, поскольку его душа слишком подавлена грехами. Опытные земледельцы, когда видят маленькое и слабое растение, часто поливают его и много заботятся о нем, чтобы оно выросло; если же растение крепкое дает лишний росток, то отрезают его, поскольку он скоро увянет; и врачи при одних болезнях советуют обильно питаться и гулять, а при других запрещают и есть, и двигаться; так же должны поступать и врачи душ.

Явно, что гордость превыше всех зол, а смирение является величайшей добродетелью, а потому трудно его стяжать, и если человек не отвернется от всякой славы, то не сможет получить сокровища смиренномудрия. Оно так велико, что диавол, хотя может копировать все другие добродетели, о смиренномудрии и понятия не имеет. Потому и апостол Петр, зная, насколько надежно и прочно смиренномудрие, заповедует нам облечься в него (см.: 1 Пет. 5: 5) и хочет, чтобы все те, кто творит добрые дела, носили его как одеяние. Ведь если ты постишься, если подаешь милостыню, если учишь, если хранишь девство и целомудрие, если ты мудр, то всегда должен иметь смиренномудрие, чтобы оно защищало тебя, как мощные доспехи, и охраняло все твои другие добродетели.

Не слышал ли ты песнопения святых трех отроков, которое они пели в печи Вавилонской? Они там не вспоминали о других добродетельных и не называли ни разумных, ни девственников, ни нестяжательных, но только смиренных сердцем причислили к тем, кто прославляет Господа (см.: Дан. 3: 87). И как невозможно построить корабль без гвоздей, так же нельзя спастись без смиренномудрия. Потому и Господь, желая указать, сколь хорошо и душеполезно смирение, облечься в него Сам, став человеком, и сказал: **научитесь от Мене, яко кроток есмь и смирен сердцем** (Мф. 11: 29). Подумай, Кто сказал это, и сам стань Его совершенным учеником и подражателем Его смиренномудрия, и да будет оно для тебя началом и концом всех благ. Под смиренномудрием мы подразумеваем смиренное мудрование души, а не только смиренную внешность; ведь если смиренна душа, то и тело станет смиренным. Говоришь, что исполнил все заповеди? Господь то ведает, но Он заповедует тебе вновь положить начало в служении Ему, говоря: **егда сотворите вся повеленная вам, глаголите, яко раби неключими есмь** (Лк. 17: 10). Смиренномудрие не достигается без поношений, упреков и ран. Когда слышишь, что тебя называют безумным и сумасшедшим, нищим, больным и недостойным, неприбыльным в трудах, неразумным в словах, бесчестным по внешнему виду и немощным телом, в этом заключается сила смиренномудрия, ведь то же слышал и испытал и Господь наш, - Его и самарянином называли, и бесноватым, Он принял образ раба, был заушен и претерпел раны. Так что и нам следует подражать тому деятельному смиренномудрию Господа. Есть некоторые, которые лицемерно надевают маску смирения, чтобы их прославляли люди, но такие познаются по плодам дел своих, поскольку, если случится, что их немного унижат, они не выносят этого и тотчас изрыгают свой яд, как змея". Сестры внимали блаженной в великой радости, желая еще и еще поучаться ее душеполезными словами. И преподобная продолжила свою речь: "Большой подвиг и труд испытывают вначале те, кто восходит к Богу в монашеском образе, но затем они испытывают неизглаголанную радость. Подобно тому как те, кто хочет зажечь огонь, вначале окуриваются дымом и плачут, но затем достигают задуманного, так должны трудиться и плакать и мы, монахини, чтобы возжечь в себе Божественный огонь, ведь Господь говорит: **огня приидох вовреци на землю** (Лк. 12: 49). Некоторые же по своему малодушию, испытав дым, не возжгли огня, поскольку не имели терпения, и особенно потому, что слаба была их любовь ко Господу. Об этом и апостол говорит: **если я раздам все имене мое и отдам тело мое на сожжение, а любви не имею, то я - медь**

звнящая или кимвал звучащий (ср.: 1 Кор. 13: 3, 1). Любовь - это большое добро, а гнев - это большое зло, которое помрачает душу и делает ее звериной и безумной. Господь, заботясь о нашем спасении, не оставил ни одной части нашей души без защиты; так, если враг борет нас блудом, Господь нас вооружает целомудрием, если борет гордостью, то недалеко смиренномудрие, если восстает ненависть, любовь находится рядом, и хотя враг использует против нас много разных браней, Господь нас оградил б!ольшим числом орудий, как для нашего спасения, так и для победы над врагом. И опять я говорю, что гнев есть величайшее зло, **гнев правды Божия не соделоваает**, как говорит апостол Иаков (Иак. 1: 20). И нам необходимо возобладать над ним, поскольку и он потребен, но в определенное время, ведь нам полезно гневаться на бесов и не полезно гневаться на людей, и хотя бы они нас обижали, нам нужно привести их к покаянию, когда угаснет гнев. Однако гнев есть меньшее зло, чем памятозлобие, а памятозлобие тяжелее всех остальных грехов, ведь гнев помрачает душу только на непродолжительное время, как дым, и затем исчезает, а памятозлобие вонзается в душу и делает ее хуже зверя; посмотри: и пес, лающий на человека, оставляет свою ярость, когда тот даст ему пищи, и другие звери укрощаются со временем; но тот, в ком господствует памятозлобие, ни уговорами, ни продолжительностью времени не может исцелить эту страсть. Потому памятозлобивые люди грешнее и незаконнее других, ведь они не слушаются Христа Спасителя, повелевшего: **пойди прежде примиришь с братом твоим, и тогда приди и принеси дар твой** (Мф. 5: 24); и апостол говорит: **солнце да не зайдет во гневе вашем** (Еф. 4: 26). Итак, хорошо вовсе не гневаться. Если же прогневался, то божественный Павел заповедует не оставаться в этой страсти и дня, чтобы не впасть в памятозлобие.

Ты же, монахиня, зачем ждешь, пока пройдет твоя жизнь, чтобы примириться с прогневавшей тебя? Или не знаешь ты слов Господа: **довольно для каждого дня своей заботы** (Мф. 6: 34)? Почему ты ненавидишь ту, которая тебя опечалила? Не она причинила тебе скорбь, но диавол. А потому возненавидь ту страсть, которой страдает сестра, но не саму страждущую. **Что хвалишься во злобе, сильне?** - говорит тебе, памятозлобивой, Давид. - **Беззаконие весь день, неправду умысли язык твой** (Пс. 51: 3-4), то есть на протяжении всей твоей жизни ты делаешь беззаконие, поскольку нарушаешь заповедь Божию, данную через апостола Павла, чтобы солнце не зашло во гневе твоём, и не прекращаешь хулить и злословить сестру свою. А потому праведно ты будешь наказана Богом, как говорит Давид Духом Святым: **сего ради Бог разрушит тя до конца, восторгнет тя...** (Пс. 51: 7), Он исторгнет тебя, и преселит от селения твоего, и лишит тебя земли живых. Слышишь? Таково воздаяние злопамятным. Итак, нам необходимо беречься от злопамятства, поскольку за ним следуют другие пороки: зависть, скорбь, оклеветание, зло которых смертоносно, даже если они кажутся незначительными. Ведь часто блуд, убийство, корыстолюбие - эти большие страсти - излечиваются спасительным лекарством покаяния, но гордость, памятозлобие и злословие, кажущиеся малыми, убивают душу, вонзаясь, как шипы, в самые уязвимые части души. И убивают они душу не тем, что причиняют большие раны, а тем, что люди, по нерадению пренебрегающие злословием и другими подобными страстями, как ничего не значащими малыми погрешностями, не заботятся о том, чтобы от них избавиться, и мало-помалу ими снедаются. Воистину тяжел грех злословия, но для некоторых он является пищей и отдыхом. А ты не внимай пустым речам, как то заповедует Господь, и не слушай о чужих грехах, но береги душу свою от этого, ведь если ты в!онмешь мерзкой нечистоте слов, то осквернишь душу свою и возненавидишь без всякой причины тех, кто с тобой общается. Когда твой слух осквернится осуждением злословов, ты не сможешь здраво рассуждать, но всех людей будешь считать скверными; так глаз, когда долго видит один и тот же цвет и привыкает к нему, потом уже не различает других цветов, но все видимое представляет в одном цвете. Поэтому надо беречь язык свой и слух, чтобы не осудить другого и не слушать страстно злословие, произносимое другими, ведь Давид говорит: **оклеветавшего тай искреняго своего, сего изгонях** (Пс. 100: 5), и в другом месте: **яко да не**

возглаголют уста моя дел человеческих (Пс. 16: 4). Речь идет не только о тех делах, какие сотворил человек, но и о тех, каких он не творил. Мы не только не должны верить тому, что говорят против других, но и не осуждать говорящих, и да будем делать и говорить так, как нам заповедует Священное Писание: **аз же яко глух не слышах, и яко нем не отверзаяй уст своих** (Пс. 37: 14). Мы не должны радоваться несчастьям других, даже если они и великие грешники, ведь некоторые, видя кого-нибудь наказываемым или ввергнутым в темницу, неразумно повторяют народную поговорку: "Что посеешь, то и пожнешь". Ты ли, монахиня, рассчитываешь наслаждаться всю свою жизнь? И как же согласовать это со словами Священного Писания, что **случай един праведному и нечестивому** [2] (Еккл. 9: 2)? В этой жизни мы все идем одним путем, и хотя живем по-разному, но и мы не избегаем несчастий. И как после этого радоваться несчастьям других? Нельзя ненавидеть своих врагов. Ведь Сам Господь нам заповедует: любите не только любящих вас, как делают мытари и грешники, но любите и врагов ваших (см.: Мф. 5: 44-46). Для того, чтобы любить доброе, не требуется ни труда, ни усилия, поскольку оно естественно привлекает людей к люблению себя. Но чтобы уничтожить плохое, нужны и Божественное учение и многий труд, ведь Царство Небесное наследуют не ленивые и беззаботные, но прилагающие усилие. И как нам не должно ненавидеть своих врагов, так же мы не должны избегать и унижать беспечных и ленивых. И хотя некоторые приводят пророческие слова: **с преподобным преподобен будеши... и со строптивым развратишися** (2 Цар. 22: 26-27) и говорят: потому мы избегаем грешников, чтобы и нам не развратиться от них и не стать самим грешными, но они делают противоположное тому, что заповедует Дух Святой через пророка. Он не говорит, чтобы ты развратился от грешных, но чтобы ты исправил их развращенность, поскольку выражение "развратишися" означает, что ты обратишь развращенного к своим убеждениям, через общение приведешь его от зла к добру. Три вида расположения есть в людях: одни совершенно погрязли во зле, вторые - в среднем состоянии и склоняются и к добру и к злу, третьи вознеслись к великой добродетели и не только сами подвизаются в добре, но ищут любого случая, чтобы привести к добру и тех, кто совершенно погряз во зле.

Итак, если пребывающие во зле будут общаться с худшими себя, то и зло в них возрастет; средние стремятся избежать злых, поскольку боятся и сами сделаться злыми от общения с ними; третьи же, имея прочно утвердившееся в добре расположение, общаются со злыми с целью спасти их. И хотя их презирают и высмеивают те, кто видит их общающимися со злыми и нерадивыми, они принимают эти поношения человеческие как похвалу и бесстрашно совершают дело Божие - спасение братьев. О них и Господь говорит: **радуйтесь и веселитесь, когда всяк зол глагол рекут на вас люди** (ср.: Мф. 5: 11-12), и то, что они делают, есть дело Владыки Христа, ведь и Господь наш ел с мытарями и грешниками. Их расположение более братолюбиво, чем самолюбиво, поскольку они любят братьев своих более, чем самих себя; как те, кто, видя горящими дома соседей, оставляет свои собственные дома и бежит, чтобы спасти соседские от огня, так и они, видя братьев своих грешащими, пренебрегают собой, терпят поношения от других и все переносят, чтобы спасти своих братьев. Средние же, когда видят брата, снедаемого огнем греха, бегут, поскольку боятся, чтобы и их не пожег греховный пламень. А первые, как плохие соседи, когда видят своих братьев в огне, сильнее раздувают его, принося, как дрова, свое собственное зло, чтобы совершенно погубить их, и вместо того, чтобы залить водой греховный пламень, подбрасывают дрова, то есть дают им грешить еще больше. Но третьи, добрые люди, своему личному благу предпочитают спасение братьев, что является свидетельством их истинной любви. **И** как пороки связаны один с другим (так, сребролюбию последуют зависть, обман, клятвопреступление, ярость, памятозлобие), так и добродетели, такие, как кротость, долготерпение, незлобие и нестяжательность, связаны с любовью, а потому нельзя стяжать любви, если не приобретешь прежде нестяжательности; ведь Бог заповедует нам любить всех людей, а не одного, и следовательно, нам нужно не презирать всех нуждающихся, но помогать им. А

если мы даем не всем, но только некоторым, то теряем любовь, поскольку не всех любим. Но дать всем вдоволь невозможно для человека, ведь это дело Божие. Если же кто и говорит, что неимущий должен трудиться, чтобы стяжать чего-нибудь и из этого давать милостыню, то да знает такой, что это заповедано мирянам, а не монахам, поскольку благотворительность заповедана Богом не столько ради нищих, сколько ради стяжания любви теми, кто их милует, ведь Бог обеспечивает и богатого, и бедного. Но, может, ты на это скажешь, что благотворительность вовсе не нужна? Да не будет того! Но благотворительность становится началом любви для тех, кто и не знал, как ее стяжать. И как обрезание для необрезанных было образом обрезания сердца, так и благотворительность становится учителем любви. Для тех же, кому благодатью Божией дарована любовь, благотворительность излишня. Я говорю это не для того, чтобы осудить благотворительность, но чтобы указать на чистоту нестяжательности, так чтобы меньшее добро - благотворительность - не стало препятствием к большему добру - нестяжательности, которая и есть любовь. Ты, монахиня, в короткий срок и с небольшим трудом достигла большого блага, поскольку все твое имущество сразу отдала нищим, подвизайся же достигь и большего - любви. Тебе надо произносить те свободные слова: **вот, мы оставили все и последовали за Тобою** (Мф. 19: 27), ты удостоилась подражать дерзновенным словам апостолов Петра и Иоанна, говоря: **серебра и золота нет у меня** (Деян. 3: 6). Два апостола сказали это, но вера у них была одинаковая. Но и благотворительность мирян не должна быть случайной, ведь Давид говорит: **елей же грешного да не намастит главы моея** (Пс. 140: 5), так что милующий должен иметь расположение, как у Авраама, и делать добро праведным путем. Вспомним: когда праведный Авраам принимал странников, то вместе с яствами он предложил к трапезе и свое расположение, и стоял и служил трапезующим сам, желая разделить и со своими рабами награду за гостеприимство. И воистину те, кто так принимает странников, получают награду за свое милосердие, хотя и принадлежат ко второму сонму; ведь Господь, сотворив вселенную, в ней создал два образа существования: тем, кто живет целомудренно, Он даровал брак ради деторождения; тем же, кто живет в чистоте, Он заповедал девство, чтобы они стали равноангельными. И женатым Он дал законы, и наказания - беззаконникам, а девственникам Он говорит: **Мне отмщение, Я воздам** (Рим. 12: 19). Женатым говорит: **возделывай землю** (ср.: Быт. 3: 23), а монахам: **не заботьтесь о завтрашнем дне** (Мф. 6: 34); тем Он дал закон, нам же, монахиням и монахам, явил Свои заповеди через благодать. Крест для нас есть орудие победы, поскольку наше звание и наш обет есть не что иное, как отречение от жизни и размышление о смерти. И как мертвые не могут ничего сделать своим телом, так и мы не должны ничего делать телом, ведь то, что мы должны были сделать телом, мы сделали, когда были неразумными детьми. Потому и апостол говорит: **для меня мир распялся, и я для мира** (ср.: Гал. 6: 14). Мы живем только душой, и ей мы должны показывать добродетели, ей миловать, поскольку блаженны те, которые дают милостыню душой. Ведь Господь говорит, что тот, кто разжегся похотью на чужую красоту, не творя греха, грешит тайно в душе; подобно этому и тот, кто милует и жалеет нищего в душе, дает милостыню, поскольку его расположение исполняет действие, даже если и нет денег. Мы удостоились большей чести, чем миряне, ведь как мирские господа имеют разную прислугу, и одних посылают возделывать землю, других, лучших, удерживают дома, чтобы они им служили, так и Господь всех женатых направил в мир, а тех, кто лучше и имеет доброе расположение, оставил при Себе, чтобы Ему служили. Они чужды всему земному, поскольку удостоились есть с Господского стола, они не заботятся об одежде, поскольку облеклись во Христа, но над этими двумя сонмами владевает один Хозяин, Господь. Как из пшеницы получают и солома, и листья, и семена, так от Бога - и миряне, и монахи, и вместе они необходимы, ведь листья служат сохранению семян, а семена необходимы для посадки и будущего урожая. И как невозможно, чтобы были одновременно зрелы и листья и плоды, так же не сможем и мы принести какого-нибудь плода небесного, если печемся о

мирском. И как, если не опадут листья и не высохнет стебель, то колос не будет пригоден к жатве, так и мы, если не отбросим земные помыслы, как листья, если не иссушим тела наши, как стебли, и если не вознесем мыслями к Богу, то не принесем семени, которое есть слово спасения.

1. Да не поглотит меня пучина, да не затворит надо мною пропасть зева своего. [^]
2. Всему и всем - одно: одна участь праведному и нечестивому [^]

Опасное дело учить прежде, чем пройдешь путем деятельной добродетели. Как тот, у кого обветшалый дом, если примет в него странников, только повредит им, когда дом рухнет, так и тот, кто не укрепил прочно своего душевного дома, не изучив на деле добродетели, погубит с собой и того, кого учит. Ведь такие люди словами руководят других ко спасению, но своими злодеяниями уводят от него, поскольку одно словесное учение подобно картине, написанной неустойчивыми красками, которые в короткое время бывают смыты дождевыми потоками и осыпаются от порывов ветра. Лишь учение, совмещенное с делом, не сможет изгладиться, поскольку опытное слово твердо печатлется в душе и сообщает слушателям постоянное и неизгладимое подобие Христа и Его добродетели. Так что и нам необходимо лечить душу не только внешне, но украсить ее со всех сторон, и особенно позаботиться об очищении ее внутренних глубин.

Постригли мы волосы на головах своих? Отвергнем же с ними и червей, кроющихся в головах, ведь они, оставаясь без волос, будут нас грызть еще больше: волосы головы, которые мы обрезали, означают мирскую жизнь с ее почестями, деньгами, нарядными одеждами, банями, вкусными кушаньями - все это мы внешне отвергли. Но да отбросим и душегубительных червей: осуждение, сребролюбие, ложь, божбы и другие страсти, находящиеся в душе; они, пока были скрыты под волосами - под покровом мирских вещей - были не видны, теперь же, обнажившись от мирской материи, они стали явны. Как в чистом доме, как только появится где-нибудь мышь или мелкая букашка - видно всем, так каждой монахине или монаху видны и самые мельчайшие прегрешения. У мирян же обитают, как в грязных сараях, большие и ядовитые змеи, и они не видны, поскольку покрыты множеством материи. Итак, мы должны очистить храмины наших душ и внимательно следить, чтобы не вползла ни одна душевредная букашка - страсть - в скрытые части души, а потому да будем оказывать наши сердца Божественным фимиамом молитвы, зная, что как едкие запахи прогоняют ядовитых зверей, так и молитва с постом выгоняет злые помыслы. Потому мы, монахини, должны следить за помыслами, к нам приходящими; так делал тот благочестивый монах, который, сидя в своей келлии, следил за помыслами и наблюдал, какой помысел пришел раньше, какой после, и на сколько каждый из них задержался в душе. Так же он следил и на следующий день, какие помыслы входят прежде, а какие потом, и через такое наблюдение он узнал определенно и благодать Божию, и собственное свое терпение, и силу и победу врага. Так да будем делать и мы, ведь если продавцы тленных вещей мира сего каждый день подсчитывают свой доход, и когда выручат больше, то радуются, когда же терпят убыток, то сетуют, тем более должны бодрствовать мы, покупающие истинное сокровище, и стремиться стяжать большие блага; если же враг и немного у нас украдет, мы должны сетовать и осуждать себя, но не отчаиваться, ведь это падение произошло невольно, по причине искушения. У тебя девяносто девять овец? Верни и одну заблудшую, не бойся из-за той одной, которую потеряла, и не скрывайся от Владыки Господа, и не удаляйся от Него, чтобы кровопийца сатана не пленил все стадо трудов твоих и не уничтожил его через твое отчаяние. Итак, не оставляй чина своего из-за одной потерянной овцы, ведь Владыка наш благ; вспомни, как говорит Давид: ***егда падет, не разбьется, яко Господь подкрепляет руку его*** (Пс. 36: 24). Все, что мы сделали и приобрели в этом мире, мы должны считать малым в сравнении с вечным богатством будущей жизни, ведь мы в жизни сей находимся как бы в иной материнской утробе; когда мы были в чреве матери, то не имели здешней жизни, не ели твердой пищи и не могли сделать того, что делаем теперь, тогда мы не видели ни солнца,

ни какого-либо другого света. И как тогда, во утробе матери, мы были лишены многих благ мира сего, так и теперь, когда мы находимся в мире сем - мы лишены многих благ Царствия Небесного. Познав мирские вещи, будем стремиться насладиться небесными благами, видев здесь этот чувственный свет, возжелаем узреть мысленное Солнце Правды, да будет нам горний Иерусалим отечеством и матерью, и да зовем Бога Отцом нашим; да будем жить здесь благоразумно и целомудренно, чтобы улучшить жизнь вечную. Как младенцы, находившиеся во чреве матери, когда становятся совершенными и рождаются, то от меньшей пищи и жизни, какую имели, возводятся к большей пище и к лучшей жизни, так же и праведные отходят от этой мирской жизни и восходят на небеса к лучшей жизни, как написано, восходя *от силы в силу* (Пс. 83: 8). Грешники же переходят от мрака мира сего в тьму адскую, как дети, умершие во чреве матери, ведь грешники уже здесь, на земле, мертвы от множества грехов, а когда умирают, то нисходят в мрачные темницы тартара. Мы трижды рождаемся в настоящей жизни: один раз - когда исходим из чрева матери, и от земли возвращаемся в землю; два других рождения нас возводят от земли к небу, и первое из них бывает по благодати Божией в святом крещении и называется пакирождением и возрождением, а третье - это то, которое бывает с нами через покаяние и подвиги добродетели; в нем мы теперь и находимся. Мы, приблизившиеся к истинному Жениху Христу, должны украсить себя еще лучше; и если мирские невесты, которым предстоит иметь смертного мужа, стараются умыться и намаститься ароматами, используют разные украшения, чтобы понравиться своим мужьям, то насколько более должны украсить себя мы, уневестившиеся Небесному Жениху, и измыться от греховной грязи посредством подвигов, и облечься в духовные одежды. Те украшают свои тела земными цветами, мы же да просветим души наши добродетелями и да возложим на главы наши венец, свитый из веры, надежды и любви, вместо драгоценных камней да украсим шею смиренномудрием, как дорогим ожерельем, и вместо пояса опояшемся целомудрием, и да носим нестяжательность, как светлые одежды, на трапезе же да предложим нетленную пищу, состоящую из молитв и псалмов; но как заповедует апостол, да не двигаем только языком, но да разумеем и умом то, что произносим, ведь очень часто, когда молятся уста, сердце и ум помышляют о другом. Мы, пришедшие на Божественный брак, должны быть внимательными, чтобы нам не оказаться без светильников, то есть без добродетелей. Ведь нас возненавидит Жених наш Христос и вовсе не примет нас, если мы не сделаем того, что Ему пообещали. Какие же мы дали обещания? Чтобы заботиться менее о теле и более о душе, и ее напоить. Невозможно вынуть сразу две полные кадки воды из колодца с колесом, поскольку колесо, вращаясь, опускает в колодец пустую кадку и поднимает полную, так невозможно одновременно заботиться о душе и о теле; когда мы все попечение обращаем к душе и она, исполненная добродетелей, стремится ввысь, тело становится легким из-за подвигов и не отягчает душу земными попечениями. И об этом свидетельствует апостол, говоря: *если внешний наш человек и тлеет, то внутренний со дня на день обновляется* (2 Кор. 4: 16). Если же ты находишься в общежительном монастыре, то не меняй места, иначе понесешь большой вред: как птица, оставляющая свои яйца, делает их холодными и неплодными, так и монахиня или монах, переходящие с места на место, становятся хладными и мертвыми по вере. Да не прельстит тебя изобилие богатств и разнообразие блюд в иных местах, как имеющие какое-нибудь значение. Те ценят кулинарное искусство, кто сам готовит приятные и вкусные кушанья. Ты же побеждай изобилие яств постом и простыми блюдами, ведь Соломон говорит: *душа в сытости суици сотам ругается, души же нищетней и горькая сладка являются* [1] (Притч. 27: 7). Не пресыщайся хлебом, и тогда не пожелаешь вина. Три суть главные и первые виды зла, от которых происходит все остальное зло: похотение, удовольствие и скорбь, и они связаны друг с другом, и за одним следует другое. И победить наслаждение можно, но победить похотение нельзя, поскольку наслаждение совершается посредством тела, а похотение начинается в душе. Скорбь же происходит от обоих, и если ты не позволишь похотению действовать в тебе,

то исторгнешь из себя и наслаждение и скорбь. Но если ты позволяешь похотению действовать, то оно приведет и наслаждение, а наслаждение - скорбь, и будут в тебе пребывать и одно, и другое, и третье, не позволяя твоей душе вернуться к бдительности, ведь Писание говорит: не давай воде течь. **Не** всем полезно все, но каждый да руководится своим разумом; одним полезно находиться в общежитии, другим же пребывать в одиночестве: как растения, одни лучше растут во влажных местах, а другие - в сухих, и как люди - одни чувствуют себя хорошо в горах, а другие - в низинах, так и каждый монах или монахиня да пребывают там, где полезней. Ведь многие, и находясь в городах, являли пустынножителство, проводили добродетельную жизнь и спаслись, а многие, находясь в горах, делали дела мирян и погибли. Поэтому возможно и среди многих сохранять в мыслях одиночество, и опять - тот, кто один, может в мыслях быть со многими. **Много** сетей у диавола, и если он не сможет повредить бедностью, то посылает богатство, чтобы им прельстить и повредить человеку; и если не сможет повредить поношениями и укоризнами, то посылает похвалы и славу. И если он побежден здоровьем человека, то причиняет ему болезнь, ведь когда он не может повредить душе радостотворным, то старается повредить ей скорбным и болезненным. Он причиняет человеку тяжелые болезни, по поущению Божию, чтобы ввести его в малодушие и, таким образом, затмить его любовь к Богу; а потому ты, возлюбленный, когда сгорает тело твое от жара и ты чувствуешь невыносимую жажду, если ты грешен и страдаешь так, - вспомни вечные муки, и огонь негасимый, и мучения нестерпимые и не малодушествуй из-за временных страданий, но паче радуйся тому, что тебя посетил Бог, и возблагодари Его, произнося хвалебные слова Давида: **наказуя наказа мя Господь, смерти же не предаде мя** (Пс. 117: 18), ведь болезнью ты очистишься от скверны греховной, как и железо очищается от ржавчины огнем. Если же ты праведен и болеешь, то знай, что ты этим преуспеешь от меньшего к большему добру, и если ты золото, то станешь только светлее от огня скорбей; если тебе дан ангел сатанин в плоть, то ты сподобился быть подобным апостолу Павлу и должен радоваться. Если тебя мучает жар или дрожь, то тебя ждет утешение и упокоение, как говорит Божественное Писание: **приидохом сквозе огонь и воду, и извел еси ны в покой** (Пс. 65: 12). Ты улучил первое? Ожидай и второго. Если же ты и беден, и работаешь, и страдаешь, то говори слова пророка: **аз нищ есмь и убог** (Пс. 39: 18), и через это ты станешь совершенным, ведь Псалмопевец говорит: **в скорби распространил мя еси** (Пс. 4: 2). Да подвигаемся больше таким образом, ведь мы видим врага, борющегося нас. Не будем печалиться, что по немощи тела не можем пребывать в молитве или гласно читать псалмы, поскольку и стояние, и пост, и долужегание, и любое другое ожесточение тела предпринимаются из-за скверных похотений и наслаждений: если болезнь их убила, то труд поста и другие подвиги излишни. Но что говорить - излишни? Губительные страсти исчезают от болезни, как от сильнейшего лекарства, и немощь является величайшим подвигом, и необходимо ее терпеть и славить, и благодарить Бога. Если мы лишились глаз, не будем унывать, ведь мы избавились от органов ненасытного похотения видимых вещей и видим духовными очами славу Господню. Если мы стали глухими, да благодарим Бога, ведь мы освободились от слышания тщеты. Если и парализованы наши руки по болезни, то наши внутренние руки души уготованы к борьбе с врагом; если болезнь возобладала всем нашим телом, тем не менее, здоровье душевное возрастает все более. Если мы находимся в общежитии, то да предпочтем послушание подвижничеству. Ведь подвиг часто производит гордость, а послушание - смирение. Чрезмерное подвижничество - от врага, поскольку слушающие учение диавола подвизаются сверх сил. И как нам отличить Божественный и царский подвиг от бесовского? Явно, что мы узнаем это по мерности. Во все время твоей жизни да будет у тебя одно правило поста. Не постись по четыре-пять дней, чтобы затем позволять себе множество яств, поскольку безмерность губительна. Не употребляй зараз все свои орудия, чтобы затем, во время брани, не оказаться нагим и не быть побежденным врагом. Наши собственные орудия - это наши тела, а душа есть воин. Итак, заботься об обоих по мере надобности; и когда ты

юн и здоров, постись, ведь придет старость и немощь, а потому собирай себе впрок, сколько можешь, чтобы не нуждаться во время изнеможения твоего. Постись благоразумно и точно, чтобы тайно не пробрался враг в это делание и не похитил плоды его из-за твоей неразумности. Об этом, как я думаю, и говорит Господь: **будьте опытными менялами** [2], то есть точно знайте царскую монету; бывают и фальшивые монеты, и хотя материал их тот же, но они отличаются надписью и печатью. Золото, о котором я говорю, - это пост, воздержание, милостыня, но и эллины использовали эти добродетели, и еретики, ставя на это золото свою собственную печать; так что нам нужно быть внимательными и избегать того, что поддельно, чтобы не ошибиться по неопытности и не получить вред. Итак, нужно использовать только те монеты, на которых отпечатан Крест Христов вместе с Божественными добродетелями - правой верой и благопристойными делами. Необходимо нам, монахиням, со всяким рассуждением управлять душами своими, и если мы находимся в общежительном монастыре, то да не ищем своей воли, и не следуем собственному разуму, но подчинимся нашей духовной матери - игумении. Мы предали себя изгнанию, поскольку вышли из предела вещей мира сего, и да не ищем их опять; там, в мире, мы были славимы, здесь да будем терпеть поношение; там имели множество яств, здесь да будет у нас недостаток и в хлебе; там, в мире, те, кто провинился, помещаются в темницы, и мы здесь да заключим сами себя добровольно ради грехов наших в темницу, чтобы избежать будущих мучений. Если постишься, то не разрешай поста под предлогом немощи, ведь и те, кто не постится, впадают в те же немощи. Начала творить добро? Не оставляй его из-за препятствий вражьих, но терпи, чтобы изгнать диавола своим терпением. Ведь и те, кто начинает путешествие, когда дует попутный ветер, расправляют паруса и плывут, а когда поворачивает противный ветер, они не тотчас опускают паруса, но или терпят, или борются с бурей и продолжают путь. Так и мы, когда приключится буря, да поднимем Крест, как паруса, и да продолжим безбоязненно путешествие". Таковы были поучения, а вернее сказать, и дела блаженной Синклитикии. И многие другие дела и слова узнали мы от нее, на пользу слышавшим и видевшим, которые так многочисленны, что все их и не перескажешь.

Ненавистник добра диавол, не вынося такого обилия добра, был снедаем желанием затмить светлость ее подвигов. И наконец, по Божественному попущению, он восстал на сию мужественнейшую девственницу с такой силой, что не просто стал уязвлять ее тело, но, уязвляя, причинял ей сильную внутреннюю боль, которую не могли облегчить человеческие средства. И сперва он повредил ее легкие - нужнейший орган жизни. Немного спустя он излил свою злобу на преподобную через такие губительные болезни, что они могли в короткое время вызвать смерть, но проклятый кровопийца злобствовал, продлевая болезни и увеличивая язвы. Он понемногу извел ее легкие, так что она выплевывала их наружу с кровью. Она страдала и от сильного жара, который иссушил все ее тело. Ей было семьдесят лет, когда она перенесла страдания Иова, но за более короткий срок, и ей тяжелей было их переносить. Праведный Иов пробыл в язвах тридцать пять лет [3], а преподобная страдала три с половиной года. И если Иова диавол начал мучить внешними ранами, то преподобную - изнутри, так что я думаю, что не столько страдали даже мужественные Христовы мученики, сколько приснопамятная Синклитикия, ведь диавол борол их извне, и хотя их мучили мечами и огнем, но это, может быть, было проще перенести, чем страдания преподобной. Враг мучил ее изнутри, через ее собственное тело, постепенно, понемногу он увеличивал температуру в ее внутренностях, сжигая ее на медленном огне, терзая ее непрерывно днем и ночью. Святая же переносила великодушно эти страдания, не колеблясь и не унывая, но боря борющегося ее врага и душеполезными учениями врачую тех, кто был им уязвлен, так что она избавляла их души как бы из пасти льва. И многие сохранились неуязвленными, поскольку она указала им на ловушки врага и сделала их свободными от греха.

Блаженная говорила, что никогда не должны быть в нерадении те души, которые посвящены Богу, ведь когда они пребывают в уединении, враг скрежещет зубами, и, побежденный ими, сетует, и немного отступает, но следит за ними, и если они когда-нибудь вознерадят о чем-либо, он приходит и прельщает их как раз через то, о чем они и не беспокоились. И как невозможно, чтобы не было малых проблесков добра в злых людях, так и добрые имеют некоторые изъяны, и всегда в злых есть добрая часть, а в добрых - злая, и часто бывает так, что исполненный всякой скверной страстью человек при этом милосерден, а пребывающий в посте, целомудрии и подвижничестве находится и в осуждении, и в сребролюбии. Поэтому нельзя никому нерадеть и пренебрегать малым, как не могущим ему повредить, ведь и малая капля при постоянстве стачивает камень. Великие блага приходят к людям через Божественную благодать, а явные мелкие страсти мы научены бороться своими силами. Тот, кто сопротивляется большому злу благодатью Божией, но небрежет о малом, получит большой вред; ведь Господь наш, как истинный наш Отец, когда мы, Его духовные дети, начинаем ходить, дает нам Свою руку, чтобы нам не упасть, и, избавляя нас от великих искушений, оставляет нас в малых, чтобы и мы показали свое свободное произволение и ходили собственными ногами. Ведь тот, кто побеждается малым, как может уберечь себя от великого? Ненавистник добра, видя, что опять преподобная ополчилась на него, был недоволен и уязвил органы речи святой, чтобы воспрепятствовать ей говорить на пользу сестрам и оставить их без слышания слова Божия. Но этим он доставил им большую пользу, поскольку, видя язвы преподобной, они укреплялись в добродетели, и телесные язвы преподобной исцеляли уязвленные души. Сатана же уязвил ее следующим образом: у святой заболел зуб, из-за него сразу загнила десна, зуб выпал, и гниение охватило всю челюсть, так что в сорок дней прогнила кость и через два месяца образовалась дыра и почернело все вокруг, а от всего тела стало исходить сильное зловоние, так что сестры, служившие преподобной, страдали от него более, чем она сама, и большую часть времени скрывались от нее, не перенося этого смрада. Когда же по необходимости им надо было подойти к преподобной, они зажигали множество ладана и так приближались, а послужив ей, тотчас уходили. Преподобная же Синклитикия явно видела борющегося ее врага, а потому не позволяла оказывать себе какую-либо человеческую врачебную помощь, чтобы и в этом показать свое мужество. Сестры просили разрешения помазать больные места елеем, но она не хотела, поскольку считала, что из-за этого может лишиться той славной борьбы, какую вела с врагом. Сестры послали за врачом, чтобы он убедил ее принять некоторые лекарства, но святая не соглашалась, говоря: "Зачем вы препятствуете мне в этой доброй борьбе, какую я веду с врагом? Почему вы смотрите на явное и не видите сокровенного? Что вы изучаете случившееся и не видите того, кто сделал это?" Врач ей сказал: "Мы не ищем твоего уврачевания или утешения, но только того, чтобы похоронить, как установлено, тот член, который отделился от остального твоего тела и прогнил, став мертвым, для того, чтобы не страдали от зловония те сестры, которые тебе служат. Ведь то, что делают мертвым, то и делаю я сейчас: я подливаю в вино алоэ, и смирну, и мирсину и наношу их на прогнивший член". Слыша это, преподобная последовала его совету и согласилась, поскольку служившие ей сестры были опечалены. **И** кто не затрепещет, видя ее невыносимые язвы? Кто не получит духовной пользы, представляя терпение преподобной? И кто не укрепитя, разумея поражение, причиненное ею диаволу? Ведь он, мерзкий, уязвил святую в ту часть тела, откуда источался спасительный и сладчайший источник слов, и его чрезмерное зло превозмогло всю человеческую помощь; как кровожадное животное, набросился он на попавшуюся добычу. Но, желая ее поглотить, он сам был уловлен, как на крюк, немощью тела. Видя в преподобной слабую женщину, он пренебрег ею, как немощным сосудом, и не угадал в ней мужеского разума и твердости ее мысли. Три месяца провела преподобная в этой борьбе, укрепляемая Божественной силой, поскольку здесь любые естественные силы иссякли бы, ведь она ни есть не могла из-за сильного нагноения и зловония, ни спать - из-за невыносимой боли. И когда приблизился конец ее

борьбы и победные венцы, она увидела Божественное видение: Ангелов, святых девственниц, которые убеждали ее вознестись на небеса, она видела и озарения Божественного света, и место райское, и это она рассказала сестрам, завещая им мужественно терпеть временные скорби и не малодушествовать. Она также сказала им, что через три дня разлучится с телом, и не только предсказала день, но и час своего отшествия.

И когда пришло время, блаженная Синклитикия отошла ко Господу, получив в награду за подвиги Царство Небесное, во славу и хваление Господа нашего Иисуса Христа, Кому со Отцем и Святым Духом подобает слава, честь и поклонение ныне и присно и во веки веков. Аминь.

1. Сытая душа попирает и сот, а голодной душе все горькое сладко.
2. Эти слова, не находящиеся в Евангелии, приводятся многими древними авторами, в частности, Климентом Александрийским и Оригеном.
3. Хотя святой Кирилл Александрийский и Олимпиодор высчитали из Священного Писания, что Иов страдал семь лет.